

УДК 81'1

А. М. Ломов, А. П. Бабушкин

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА С ФОНОВЫМИ ЗНАНИЯМИ

На материале анекдотов, кроссвордов и других литературных и речевых произведений рассматриваются тактики языковой игры, ориентированные на актуализацию фоновых знаний реципиента. Особое внимание уделяется языковой игре, затрагивающей исторические фоновые знания читателя, в памятнике древнерусской литературы – «Слове о полку Игореве».

The tactics of a language game aimed at activating background knowledge of the recipient are studied in the texts of jokes, crossword puzzles, and other literature and speech materials. Special attention is paid to language games focusing on the reader's knowledge of history in the Old Slavic epic poem The Tale of Igor's Campaign.

Ключевые слова: фоновые знания говорящих, языковая игра, отсылка к контексту, синтетизм, подтекст, устойчивое сочетание слов, речевой фон.

Key words: background knowledge of speakers, language game, reference to context, synthetism, subtext, set phrase, speech background

Под фоновыми знаниями говорящих понимают хранящиеся в человеческой памяти знания о мире, которые в «непроговариваемом» виде сопутствуют речевому общению, на каком бы языке оно ни велось, необходимые коммуникантам для того, чтобы коммуникация была успешной. Эти знания включаются как часть в целое в так называемые пресуппозиции – информативные сведения, которые известны говорящим и делают речь осмысленной. Различаются общие пресуппозиции (знания экстралингвистического характера, возможность слышать говорящего и отвечать ему и т. д.) и пресуппозиции лингвистические (знания правил реализации слов, предложений, словопорядка, интонации и под.). Задача данной статьи – выяснение того, как эти знания связаны с языковой игрой. Самое общее представление об этом можно получить, если рассмотреть одну из фольклорных «историй» наших дней: «Иванушка-дурачок поймал Золотую Рыбку. Она ему говорит: "Отпусти меня, Ваня, я твое самое заветное желание выполню". Иван ей в ответ: "Сделай меня царем". Золотая Рыбка сначала не соглашалась: "Как же тебя царем сделать, когда ты по всем манерам мужик сиволопый?" А Иван ей: "Хочу быть царем". Утром просыпается он от слов: "Ваше величество, пожалуйста в подвал сфотографироваться"».

Иностранец, не знающий ни культуры, ни истории России, прочитав эту «историю» (скорее всего, в переводе), вероятно, скажет, что в целом она ему понятна, но вот только конца у нее нет. Конец-то есть. Но какой? Русские люди, во всяком случае, те, которые слышаны о

расстреле царской семьи Романовых в Екатеринбурге, знают, что Николая II и его родственников пригласили в подвал якобы фотографироваться, но там их вместо фотографа ожидали револьверные пули. И эти русские люди без всяких пояснений поймут, какой финал был у сделавшегося царем Иванушки-дурачка после того, как он «пожаловал» в подвал фотографироваться. Но они знают не только это. Каждому русскому с детских лет известны несколько сказок об Иванушке-дурачке, сказка о Емеле, поймавшем волшебную Щуку, и, наконец, «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина. Эти фоновые знания, хранящиеся в его памяти, выявляют ряд отличий упомянутых сказок от обсуждаемой «истории»: сказочный Иванушка, в отличие от своего упрямого двойника из «истории», обнаруживает не только недюжинный ум и смекалку, но и завидную терпимость к мнениям других; Щука, пойманная Емелей, беспрекословно выполняет все его желания с пользой для него и т. д.

После сделанных разъяснений, как мы полагаем, сущность языковой игры, в которую вовлечены фоновые знания, становится более или менее ясной. Автору «истории» ничего не стоило бы последовательно и полно оговорить ее отличия от сказок и рассказать, какой конец ожидал упряма. Но он предпочел иной путь: с помощью намеков актуализовал в сознании своих слушателей (или читателей) соответствующие фоновые знания и, не прибегая к их словесной одежде, незримо включил эти знания в свое повествование. Это и есть языковая игра с речевым фоном, в процессе которой самую важную информацию мы получаем из того, что нам не договаривают. Но сущность ее станет еще более ясной, если учесть второй вариант этой анекдотической истории. Он отличается от первого двумя моментами: во-первых, тем, что Иванушка выражает желание сделаться герцогом, а во-вторых, тем, что слуга будит его словами: «Ваша светлость, пора собираться в Сараево». История, понятно, имеет другой конец — в соответствии с нашим фоновым знанием: накануне Первой мировой войны австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд был убит в Сараево сербским террористом Г. Принципом.

Изучение с указанной позиции фоновых знаний началось недавно. Но языковая игра с фоном ведется с незапамятных времен. Она известна даже первому памятнику русской художественной литературы — «Слову о полку Игореве».

Читатели этой поэмы с первых же страниц замечают, сколь бедна в ней фактическая информация. В самом деле, что мы знаем, скажем, о походе Игоря? Очень мало. Легче перечислить, чего мы не знаем. Нам неизвестно, когда начался поход, где находится река Каяла, куда половцы увезли плененного Игоря, через какое время он убежал из плена и т. д. А если мы припомним битву при Немиге, которую автор сравнивает с молотьбой на току, то обнаружится, что «Слово» не сообщает даже, с кем вступил в кровавый спор князь Всеслав, а также чем этот спор закончился. Но информативная скудность нашего памятника — факт только кажущийся: он представляет собой закономерное следствие языковой игры с фоновыми знаниями читателей. Автор «Слова о полку

Игоре» в своем изложении происходившего сплошь и рядом довольствуется намеками на факт, содержание которого раскрывается не путем обычного текстового описания, а посредством извлечения соответствующих знаний из недр памяти читателей, хорошо знакомых, как и он сам, с русскими летописями и другими историческими источниками. И в итоге молчание автора оказывается весьма красноречивым. Вот один яркий пример.

Князь Игорь, благодаря реку Донец за помощь, оказанную ему при побеге, противопоставляет ей реку Стугну. Эта маленькая река (имеющая, как выражается автор, *худую струю*) весной вобрала воду других рек и ручьев, разлилась к устью и *затворила* на дне князя Ростислава (то есть Ростислав в ней утонул). И теперь на темном берегу мать оплакивает безвременно погибшего юношу. Комментаторы «Слова» обыкновенно сообщают, что Ростислав — единокровный (то есть от другой матери) брат князя Владимира Мономаха, утонувший в реке во время боя с половцами. Этот комментарий многое проясняет, но оставляет совершенно неясным одно: какое отношение имеет смерть Ростислава к походу Игоря. Между тем за рассматриваемым намеком скрывается богатейшая конкретная информация, которая хранилась в памяти первых читателей «Слова о полку Игореве». Поскольку у нас, далеких потомков русичей Древней Руси, соответствующая фоновая информация «выветрилась», обратимся для ее реставрации к Ипатьевской летописи. Там помещено сообщение о событиях 1093 г. Именно это сообщение расставляет все по своим местам.

В указанное время, после смерти великого князя Всеволода Ярославича, киевский стол занял Святополк Изяславич, двоюродный брат Владимира Мономаха. Воспользовавшись неразберихой, которая обычно сопутствует смене власти, половцы пришли на Русь с требованием откупа, угрожая в противном случае разорением пограничных русских земель. Владимир Мономах посоветовал Святополку согласиться с их требованиями, но недалекий Святополк не внял ему и решил вступить с половцами в сражение. Немногочисленные русские полки дрогнули и побежали. Во время переправы через Стугну многие утонули. Утонул и брат Владимира Мономаха Ростислав. Через несколько дней, когда вода начала спадать, нашли его труп, и юношу горько оплакивала его мать, половчанка по происхождению, получившая при крещении имя Анна.

На похоронах, видимо, вспоминали обстоятельства гибели покойного, в частности то, как Владимир Мономах едва не утонул, пытаясь спасти брата. Припомнили, конечно, и инцидент, происшедший накануне битвы и засвидетельствованный в Патерике Печерском (который, к счастью, дошел до нас). Следуя к месту сбора войска, Ростислав вместе со своими дружинниками остановился на подворье Печерского монастыря. В это время из кельи вышел монах Григорий, направлявшийся к реке за водой. Дружинники по какому-то поводу стали насмехаться над

ним, и Григорий имел неосторожность сказать, что им следовало бы вести себя подержаннее: они ведь не на гулянку едут, и у них много возможностей свести счеты с жизнью, например, утонуть в реке. Взысканный Ростислав приказал монаха утопить, что и было исполнено.

Таким образом, весной 1093 г. в тугой узел оказались завязанными самые разные события: одно из немногих поражений Владимира Мономаха, горе матери, сын которой, в сущности, погиб от рук ее соплеменников — половцев, и святотатство Ростислава, обернувшееся его гибелью в реке (в согласии с предостережением монаха Григория). Страсти, как видим, шекспировского размаха, но они остаются незримыми в полном смысле этого слова, потому что рассказ о них оказался скрытым между строк — в пределах фоновой информации.

58

Точно так же невидимы и две параллели, проводимые автором (опять-таки в расчете все на те же фоновые знания своих читателей). Во-первых, произведение предупреждает, что любое плохо подготовленное военное мероприятие, рассчитанное на слепую удачу, в конечном счете, как и поход князя Игоря, обернется катастрофой. Во-вторых, оно содержит неявную отсылку к «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, знакомство с которой автора «Слова» и грамотных его современников никто не отрицает. Именно там рассказывается, что днем евреи плечом к плечу сражались с римскими легионерами, защищая осажденный храм, а ночью сводили партийные счеты, в результате чего обнаруживались трупы людей, погибших отнюдь не от мечей римлян. А разве не из того же ряда убийство монаха Григория?

Повторяем, мы ограничимся констатацией лишь одного случая языковой игры, основанной на фоновых знаниях. А между тем «Слово о полку Игореве» буквально переполнено ими, чем объясняется необыкновенная краткость этого произведения (см. об этом подробнее: [2, с. 88–100]).

Заметим попутно, что рассматриваемый способ языковой игры в Древней Руси использовался и в других произведениях (например, в «Хожениях в Царьград»), а также, как это ни покажется странным, в живописи. Знаменитая «Троица» Андрея Рублева основывается на библейской легенде о том, что престарелых Авраама и Сарру посетили три ангела, которые сообщили, что Бог пошлет им долгожданного наследника. Но напрасно мы бы стали искать на иконе Авраама и Сарру. Их здесь нет, они домысливаются людьми, взирающими на икону, с помощью своих фоновых знаний, как додумываются многие фрагменты «Слова». (А между тем на варианте той же иконы, привезенной из Византии и на наше счастье сохранившейся, присутствуют все участники встречи: икона разделена поперечной полосой на две части, на верхней из которых изображены три ангела, а на нижней — Авраам и Сарра, правда, в иной цветовой гамме.)

Странно, что рассматриваемый способ языковой игры, еще со времен «Слова о полку Игореве» трансформировавшийся в особый художественный прием, не получил в последующем широкого распростра-

нения в русской художественной литературе. К нему обращаются лишь отдельные авторы. В их числе находится и В. В. Набоков. Исследователи его творчества отмечают, что уже в самых первых произведениях В. В. Набокова американского периода, в частности в романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта», чувствуется потребность не только просто в читателе, но в сообщнике, который владеет по крайней мере двумя (а лучше — четырьмя) языками, потому что в противном случае он не поймет многих спрятанных значений ключевых слов, многих важных намеков и отсылок к фону [3, с. 17]. Конечно, у В. В. Набокова прием оказался основательно модифицированным по сравнению с автором «Слова», но в основе своей он остался одним и тем же, поскольку предполагает опору на фоновые знания читателей. В начале XX в., по свидетельству Ю. Анненкова, о своей приверженности к приему сотворчества автора и читателя заявил Е. Замятин, назвавший этот прием синтетизмом. Однако реализовать в полной мере свои теоретические установки из-за ранней смерти он не сумел [1, с. 8—18].

В послереволюционные годы постепенно у русской литературы не осталось даже возможностей использовать языковую игру с фоном. Наверное, это произошло из-за политической ситуации того времени, понять которую поможет следующий случай. Когда появились первые полные издания знаменитого произведения М. Булгакова «Мастер и Маргарита», читатели были просто поражены, сколько намеков, отсылающих к фоновым знаниям, было вырублено жестокой рукой цензора в первой журнальной публикации романа.

Между тем на другом конце Европы дело приняло совершенно иной оборот. В XX в. в поисках «экономных» изобразительных средств проблемой взаимоотношений автора и читателя заинтересовалась английская литература. Именно в это время — время перехода от «пухлого» романа XVIII—XIX столетий к лаконичной новелле — в среде английских мастеров слова, взявших на вооружение «малый жанр» литературы, едва ли не всеобщее распространение получила тенденция к концентрации письма за счет обращения к подтексту, ассоциативному ряду, особым приемам монтажа, то есть тем средствам, которые по преимуществу актуализируют фоновые значения читателей. Новеллисты довольствовались вместо пространных описаний сопутствующих обстоятельств упоминанием хорошо продуманных деталей, отсылок или намеков, которые вызывают у читателя по ассоциации живое представление об этих событиях [4, с. 3—21]. И поскольку английская литература издавна пользуется заслуженным авторитетом, принцип опоры на фоновые знания читателей, реализованный в творчестве таких мастеров слова, как Д. Г. Лоуренс, В. Вулф, Г. Грин, Э. М. Форстер, И. Во, Р. Олдингтон, с полным основанием получил прописку в мировом литературном процессе. (Среди учеников английских новеллистов, вероятно, был сдержанный Э. Хемингуэй с его многозначительными диалогами.) Стоит отметить, что этот принцип проник даже в речи и статьи английских государственных деятелей. Напомним в этой связи широко известный эпизод Второй мировой войны из истории Англии.

Островная нация, измученная бомбардировками и прочими бедами, которые обрушила на нее Германия, с нетерпением ожидала выступления премьер-министра У. Черчилля, который должен был дать ответ на вопрос: что делать дальше — напрягать все силы или сдаваться на милость победителя? И Черчилль (отнюдь не лишенный литературного дара: ему принадлежат несколько широко известных книг по истории) выступил. Он рассказал соотечественникам, как, по его мнению, надо чистить пуговицы у гвардейцев. Ошарашенные англичане сначала онемели от удивления, но потом... Потом, опираясь на собственный опыт (а к нему-то, собственно, апеллировал премьер как к части речевого фона!), поняли, что глава правительства вел разговор не просто о чистке пуговиц, как казалось на первый взгляд, а о том, что положение Англии отнюдь не безнадежное, коль скоро у главы правительства находится время для рассуждений о мелочах придворного регламента.

Обратимся к иным сферам реализации фоновых знаний в качестве основания для языковой игры.

Отсылки к фоновой информации наличествуют, например, в новейших кроссвордах, которые отстоят от литературы очень далеко. В заданиях к ним нередко содержатся намеки на какие-то устойчивые сочетания слов (фразеологизмы, пословицы, поговорки). И вспомнив нужное устойчивое сочетание (после того как пороется немного в своей памяти), дешифровщик найдет в его составе спрятанное искомое слово. Так, задание кроссворда, в котором говорится о водоеме, который пьяному по колено, актуализует в сознании фразеологизм «пьяному море по колено», а последний, в свою очередь, сообщает, что этот водоем — море. Ср. также задания и подсказываемые устойчивыми сочетаниями слов нужные ответы на них: *недиетическое украшение избы* (не красна изба углами, а красна пирогами → пирог); *плохой тайник для шила* (шила в мешке не утаишь → мешок); *макаронные изделия на ушах* (вешать лапшу на уши → лапша).

Охотно и часто прибегают к намекам на речевой фон неведомые нам создатели анекдотов. Показателен следующий анекдот: «После часа езды с блондинкой навигатор спросил: " — Ну и где мы?"».

Комизм этого краткого анекдота определяется тем, что наше сознание воскрешает традиционный образ блондинки, о котором другие анекдоты и бытовые истории сообщают, что она глупа, задает нелепые вопросы и дает не менее нелепые советы — советы, способные запутать даже чуткий прибор.

Но и кроссворды, и анекдоты — далеко не все сферы языковой игры. Более внимательный взгляд на вещи обнаружит ее в ряде других областях использования языка и даже в обыденной разговорной речи — при том непременно условии, что ее участники оказываются людьми, тонко чувствующими язык.

Все это приближает нас к выводу, что игра с фоновыми знаниями говорящих ведет как бы «межведомственное» существование. С одной стороны, она отлилась в форму особого изобразительного приема художественной литературы, а с другой — используется как живое средство экспрессии в самых разных сферах речетворчества.

Список литературы

1. Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Л., 1991. Т. 1.
2. Ломов А. М. «Слово о полку Игореве» и вокруг него. Воронеж, 2010.
3. Люксембург А. Вивиан Дамор-Блок и вивисекция слова: Английская проза Владимира Набокова // Набоков В. В. Собр. соч. американского периода : в 5 т. СПб., 1997. Т. 1. С. 9–23.
4. Скороденко В. «Малый жанр» большой литературы // Английская новелла XX века. М., 1981. С. 3–21.

Об авторах

Анатолий Михайлович Ломов — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: kafrus@mail.ru

Анатолий Павлович Бабушкин — д-р филол. наук, проф., Воронежский государственный университет.
E-mail: babushkin@rgph.vsu.ru

About the authors

Prof. Anatoly Lomov, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: kafrus@mail.ru

Prof. Anatoly Babushkin, Voronezh State University.
E-mail: babushkin@rgph.vsu.ru